

Бабушка Бонневи — слѣпая — цѣлый день сидитъ на ступеняхъ старой часовни святого Бернара и вяжетъ. Меньшой внукъ Габріэль приводитъ ее сюда раннимъ утромъ, когда другіе уже ушли въ горы. Они уходятъ до разсвѣта. Время сѣно коса, — тутъ дорогъ каждый часъ. И руки тоже дороги. Но бабушка Бонневи работать въ полѣ не можетъ. Ея время прошло. Связать пару теплыхъ носковъ для сына и внуковъ — на это бабушка Бонневи еще годна...

А чѣмъ вязать ей дома — вѣдь ей безразлично — пусть лучше сидитъ здѣсь, на ступеняхъ. У часовни святого Бернара, — тамъ, гдѣ стоитъ высокій посѣрѣвшій крестъ, — отходить тропинка на озеро. Объ этомъ озерѣ написано въ *Guide Bleu*: туристы иногда бросаютъ старухъ нѣскольکو су. Что вы хотите. Въ семьѣ каждый долженъ вносить свою долю.

Бабушка Бонневи слышитъ скрежетъ камней подъ тяжелыми подковами башмаковъ.

Она протягиваетъ свою сухую, опаленную солнцемъ руку и скрипитъ:

— *Ma bonne dame, donnez ce que vous pouvez!*

Бабушка Бонневи никогда не ошибается въ обращеніи: она по шагамъ знаетъ, кто идетъ. Костлявая миссъ, улыбаясь старухѣ лошадиными зубами, кладетъ въ ея руку монету. И та дребезжитъ:

— Merci, madame, que le Seigneur vous bénisse, merci!

— Мэ-э-э... въ тонъ бабушкѣ Бонневи блеетъ бѣлая въ черныхъ пятнахъ коза, взобравшись на каменные плиты и выглядывая изъ за спины старухи. Миссъ, съ прежнимъ оскаломъ зубовъ, глядитъ на козу своими большими синими очками благосклонно. Бѣловатые съ черной черточкой глаза козы глядятъ на миссъ презрительно. Потомъ каждая идетъ своей дорогой: миссъ бодрой походкой въ гору смотрѣть озеро, обозначенное въ гидѣ звѣздочкой, коза — по каменнымъ плитамъ внизъ, широко разставивъ ноги и осторожно ступая: огромное, черное вымя мѣшаетъ ей ходить.

А бабушка Бонневи остается на прежнемъ мѣстѣ. Куда ей идти?! Вѣдь она ничего не видитъ: ни снѣжныхъ горъ, дымящихся облаками; ни синихъ генціанъ на лугу, которыя съ такимъ удовольствіемъ щиплетъ теперь коза, ни заинтересовавшую миссъ коротконогую фигурку святого въ голубой нишѣ подъ заколоченнымъ входомъ часовни. Не много изъ окружающаго Божьяго міра сохранила для себя бабушка Бонневи. Совсѣмъ не много. Только запахъ луга. Только звонъ колокольчика козы. Только шумъ прыгающаго по большимъ камнямъ потока. Только теплоту

солнечныхъ лучей, которые грѣютъ старыя кости.

А монету доброй миссъ бабушка Бонневи крѣпко зажала въ рукѣ. Посыпались камешки: чумазый Габріэль бѣжитъ къ бабушкѣ Бонневи, чтобы отнять ея добычу. Только напрасно онъ такъ спѣшитъ: бабушка Бонневи монету отъ него не спрячетъ. На что она ей? Кусокъ хлѣба, тарелку горячаго супа и полъ-стакана вина она все равно получитъ въ полдень. Въ семьдесятъ лѣтъ, право, не такъ ужъ много и нужно. Бабушка Бонневи отдастъ монету внуку. Но прежде чѣмъ отдать, она ее все же ощупаетъ. Да, она хорошенько ее ощупаетъ. Бабушка Бонневи отлично умѣетъ отличать похожія на ощупь монеты. Она никогда не ошибается. Маленькому плуту Габріэлю не удастся скрыть отъ отца размѣра бабушкинаго заработка. Онъ и пытаться не будетъ: знаетъ, какими звонкими пощечинами отсчитаетъ ему отецъ утаенныя су. Да, такова жизнь. Особенно здѣсь, въ горахъ. Здѣсь, чтобы сводить концы съ концами, надо беречь каждый маленькій су. Габріэль въ свои восемь лѣтъ знаетъ это не хуже бабушки Бонневи, которая прожила цѣлыхъ семьдесятъ.

Англійская миссъ скрылась за выступомъ скаль. Коза, позванивая, продолжаетъ щипать траву. Габріэль сидитъ на каменныхъ плитахъ ограды и думаетъ о томъ, что, если бы онъ былъ англійской

миссъ, онъ не потащился бы на озеро, гдѣ, кромѣ ледниковъ, ничего нѣтъ. И монету въ сорокъ су онъ бабушкѣ Бонневи не отдалъ бы. Онъ пошелъ бы внизъ и купилъ бы тамъ въ мелочной лавочкѣ отеля тѣхъ самыхъ драже, которыя въ прошлое воскресенье, послѣ крестинъ маленькаго Марсея, разбрасывалъ крестный. О, какая свалка произошла тогда на площади! Ребята, бросившись за конфектами, едва не сбили съ ногъ несшую младенца мать. Вотъ потѣха-то была!

Колоколь сельской церкви тамъ внизу — немного дребезжащій, но звучный, — торжественно начинаетъ звонить Анже-люсь. Бабушка Бонневи оставляетъ свое вязаніе. Она медленно крестится и шепчетъ привычную молитву. Габріэль, продолжая пріятно мечтать о конфектахъ, тоже крестится.

— — —